

Можайск в Отечественную войну 1812 г.

История Можайска, расположенного на главной дороге из Смоленска в Москву, неотделима от событий Отечественной войны 1812 г. Достаточно упомянуть о Бородинском сражении, которое произошло в 12 верстах от этого уездного городка и принесло тревогу и тяжелые испытания в его судьбу.

Один из древнейших городов Подмосковья, Можайск насчитывал к началу XIX в. более 300 домов деревянной застройки. Он раскинулся на холмах и во многом сохранил средневековую планировку: 15 его слобод были связаны 18-ю улицами и 5-ю переулками. В городской черте находился с 70-х годов XVIII в. Лужецкий монастырь с величественным пятиглавым Рождественским собором. Лишь в центральной части город был застроен по-новому — прямоугольными кварталами.

Можайск к тому времени уже утерял свои былые качества города-крепости. На кремлевском холме разобрали пришедшие в ветхость крепостные стены и башни, а белый камень пошел на строительство соборной церкви Николая Чудотворца, которую к 1812 г. не успели закончить. Каменными были церкви Иоакима и Анны и Троицкая. Появились каменные дома и гражданского назначения: соляной магазин, четыре внутренних корпуса в торговых рядах, три купеческих дома. В городе насчитывалось 60 лавок, три питейных дома, 12 кузниц, пять заводов, среди которых кожевенный, два пивоваренных, два — по изготовлению солода.

К началу XIX в. в Можайске проживало 1736 человек, из них мещан — 1043, купцов 3-й гильдии — 405, священно- и церковнослужителей — 150 и др.ⁱ

Слава Бородина и последующее, со вступлением французов в Москву, ее сожжение оставили в тени события у Можайска. В этом прифронтовом городке накапливались силы русской армии перед Бородинской битвой, он же принял раненых на Бородинском пол По воспоминаниям Л.П. Бутенева, дипломатического чиновника, состоявшего при штабе Багратиона, Можайск накануне Бородинского сражения «был почти пуст, оставались только местные власти, а улицы были загромождены экипажами, обозом армии, фургонами с амуницией, телегами с хлебом и припасами, вьюкам всяким маркитантским скарбом, будто в городе была ярмарка»ⁱⁱ.

Местные власти, упомянутые Бутеневым, а именно уездное дворянство во главе с его предводителем подполковником А.И. Астафьевым, много сделали для организации Московского ополчения. Можайский предводитель занимался военным приготовлением, когда еще война не началась. На основании рескрипта Александра I министру полиции А.Д.Балашову от 13 мая 1812 г. и распоряжения гражданского губернатора Москвы сенатора Н.Н.Обрескова Астафьев приглашал «в военную службу» на военное время отставных штаб- и обер-офицеров, «имеющих силу и способность продолжать службу и известных в кругу дворянства по доброму их поведению, при том не за порочные поступки отставленных...»ⁱⁱⁱ

Городничий и земский суд Можайска оповещали всех отставных офицеров, а предводитель дворянства свидетельствовал способности и беспорочное поведение призываемого на службу, обеспечивал его прогонными деньгами во время следования к месту формирования полков. Таким образом, можайский предводитель набирал офицеров «внутренней стражи» — гарнизонных частей, формирующихся на территории Московской губернии и находящихся на местном бюджете^{iv}.

Как отмечалось выше, «местные власти» много сделали в организации ополчения, его вооружения, обмундирования, обеспечения провиантом. Вся эта работа ускорила с приездом в Москву императора Александра I. Он проезжал из Смоленска, где получил известие о ратификации мира турецким султаном, и можайцы с восторгом встречали царя 11

июля. В этот день гражданский губернатор Москвы Обресков просил Астафьева, чтобы он при содействии Можайского исправника и городничего поспешил пригласить в Москву благородное дворянство «для совещания и руководства всеми ополчениями»^v.

16 июля на дворянском собрании в Москве были проведены выборы главнокомандующего Московской военной силой. Больше всех голосов получил М.И.Кутузов, но он не мог вступить в командование, потому что 17 июля был избран командующим Петербургским ополчением. Командование Московским ополчением принял генерал-лейтенант граф И.И.Марков, участник штурма Очакова и Измаила. Среди подписавших подлинный список кандидатур на пост главнокомандующего Московским ополчением — фамилия Можайского предводителя дворянства^{vi}.

Царским манифестом от 18 июля по формированию ополчения 16 губерний России были разделены на три округа. Первый округ, в который вошли Московская и другие губернии «должен был принять» скорые и деятельные меры к собранию, вооружению и устройению внутренних сил, долженствующих охранять первопрестольную столицу Москву и предел сего округа^{vii}.

Для исполнения намеченного в Москве было создано два комитета. В первом комитете, который занимался приемом людей вооружения и продовольствия, заседали военный губернатор граф Ф.В. Ростопчин, генералы от инфантерии С.С. Апраксин, П.Х. Обольянинов, Н.Н. Обресков, московский губернский предводитель дворянства В.Д. Арсеньев, московский городской голова Л.А. Куманин. Второй комитет занимался приемом пожертвований (деньги, оружие, продовольствие) на нужды Московского ополчения.

7 августа первый комитет слушал рапорт Можайского предводителя. Астафьев доложил, что для записи воинов в ополчение не прибыл начальник от Московской военной силы, а потому прием не начат, хотя команда Московского гарнизонного полка прибыла для приема и отвода ополченцев^{viii}.

Полки ополченцев формировались в Москве. Комитет наметил формировать 1-й егерский тайного советника Н.Н. Демидова и 1-й пехотный князя П.П. Гагарина полки из воинов Можайской и Ружской округи^{ix}. 19 августа Астафьев докладывал комитету, что в Можайском уезде для принятия и хранения провианта выбран титулярный советник М.А. Чириков, для принятия и хранения оружия — подпоручик А.М. Протопопов^x.

С 6 по 14 августа в Можайском уезде было записано в ополчение 1800 человек. Возникли трудности со сбором оружия. Губернский комиссар генерал-лейтенант Г.А. Хомутов 17 августа рапортовал: в Можайске принято 13 пик, еще от ополчения 1806-1807 гг. осталось 1504 пики, 31 сабля и 11 чугунных пушек^{xi}. 20 августа первый комитет был информирован о том, что в Можайске приняли 1927 воинов, 5 егерских ружей, 1 штуцер, 4 пистолета, 3 сабли, 101 единицу турецких кинжалов и пик с древками. На учет были взяты оставшиеся от милиции 1806-1807 гг.— 1500 пик, 4 бердыша, 31 сабля, 11 чугунных пушек с лафетами, одежда на 182 человека. Кроме того, было собрано муки 6133 пуда 20 фунтов и круп 79 четвертей 2,5 четверика. И все же Можайск не доставил 203 воина, на 799 человек — муки и круп, оружия на 1820 человек и одежды на 1745^{xii}.

19 августа командующий Московским ополчением Марков констатировал недостаток сабель и тесаков. Он предлагал для лучшего вооружения ополченцев доставить топоры. Губернский предводитель Арсеньев вменил в обязанность уездных предводителей доставить на каждого воина топор с топорщиком, свезти их в уездные города, а оттуда на подводах при помощи земской полиции послать в Можайск, куда направлялось Московское ополчение^{xiii}. Место сосредоточения ополченцев уточнялось по мере приближения отступающих к Москве русских войск. 12 августа М.Б. Барклай де Толли просил Ростопчина «о скорейшем прибытии в Можайск сформированных полков Московской силы»^{xiv}. 13 августа Ростопчин сообщал

Балашову: «...Военная сила (московская) по требованию военного министра идет вся к Можайску и провиант десятидневный везут на обывательских подводах... Теперь для армии потребны руки, и людей я много в Можайск выставлю»^{xv}.

Можайск стал местом сосредоточения Московской военной силы, одним из пунктов сопротивления русской армии, местом скопления раненых во время и после Бородинской битвы, пребывания оккупационных войск, штаб-квартиры Наполеона. Эти вопросы требуют освещения, как и деятельность М.И. Кутузова, связанная с Можайском.

Еще 20 августа, когда русская армия отступала по дорогам Смоленщины и приближалась к Подмоскovie, по распоряжению Кутузова исполняющий должность дежурного генерала полковник П.С. Кайсаров обратился к Можайскому предводителю с тем, чтобы он прислал в армию землемера с картой Можайского уезда и четырех дворян, знающих положение и дороги уезда. Астафьев должен был отправить 30 лесничих и охотников в качестве проводников войск. Кроме того, на генерал-интенданта В.С. Ланского возлагался сбор обывательских подвод^{xvi}.

21 августа с вступлением в Можайск Московского ополчения Кутузов откомандировал генерал-майору М.И. Левицкому, исполняющему должность коменданта Можайска, 1000 человек. На следующий день — столько же в основном «на провожание пленных в разные губернии». Еще 1500 ополченцев было направлено помощнику обер-полицмейстера 1-й и 2-й Западных армий полковнику А.С. Шульгину для наведения порядка в окрестностях Можайска (в том числе для поимки мародеров) и устройства обозов. 24 августа по приказанию Кутузова 9 комплектных батальонов (5400 чел) поступило в 1-ю и 2-ю Западные армии. Они участвовали в Бородинской битве. После сражения 800 ополченцев пополнили ряды артиллерийской прислуги^{xvii}.

По инициативе Кутузова должность коменданта Можайска исполнял шеф 36-го егерского полка, военный генерал-полицмейстер двух Западных армий Левицкий, призванный для «устройства по воинской части порядка». По представлению Левицкого 23 августа Кутузов объявил «совершенную признательность» братии Лужецкого монастыря за пожертвование «для страждущих болезнями и ранами российских воинов в разной монете двух тысяч рублей»^{xviii}. 24 августа Левицкий подписал в Можайске открытый лист, который позволил казначею Лужецкого монастыря иеромонаху Иоасафу с братией и служителями беспрепятственно следовать по российским губерниям с церковными драгоценностями и утварью. Все это удалось укрыть под Ярославлем, в Толгском монастыре.

На рассвете 27 августа по приказу Кутузова после Бородинской битвы войска отступали к Можайску тремя колоннами по Новой и Старой Смоленским дорогам. У дер. Кукарино корпуса 1-й Западной армии и гвардейские части повернули правее, а 2-й и 3-й кавалерийские корпуса повернули влево через Лужецкий монастырь. Войска «обтекали» город. Прикрывал отступление русских армий арьергард под командованием генерала от кавалерии М.И. Платова.

Войска остановились лагерем у дер. Жуково в шести верстах за Можайском^{xix}. Там же с 24 августа находились казенные и партикулярные обозы, направленные туда Кутузовым накануне генерального сражения. Из них формировались два обоза для двух армий. В этом лагере были собраны воинские части, пополнена артиллерийская прислуга, укреплена армия Московским ополчением. Цель Кутузова оставалась неизменной: истребление французской армии, защита Москвы. Под Можайском Кутузов приказал корпусным начальникам предоставить сведения о численном составе корпусов. Он заботился об усилении артиллерии, укомплектовании ее людьми, лошадьми и зарядами. Трижды Кутузов обращался к Ростопчину: просил не только восполнить потери в артиллерии, подводах, лошадях, но и прибавить артиллерийских орудий, снарядов и

лошадей. Даже послал к Ростопчину своего зятя полковника кн. Н.Д. Кудашева. «Дело идет о спасении Москвы», — писал Кутузов. В письме, посланном из-под Можайска, он раскрывал намерение выдержать под Москвой решительную битву.

В Можайске Кутузов принял командира первого партизанского отряда генерала Ф.Ф. Винценгероде и исполняющего должность дежурного штаб-офицера С.Г. Волконского, поставив им задачу «как можно поспешнее занять Звенигород» и предотвратить тем самым обход нашего правого фланга вице-королем Италии, захват Москвы в тылу нашей армии^{xx}. Кутузов подкрепил отряд Винценгероде тремя казачьими полками, двумя батальонами егерей и двумя орудиями конной артиллерии^{xxi}

27 августа, спустя почти 16 часов после Бородинской битвы, в 10 часов утра, арьергард Платова в составе казачьего корпуса, трех егерских полков, бригады Вольфа, Изюмского гусарского полка и 2-й конной роты Донской артиллерии отошел к Можайску. Кутузов приказал Платову держаться в Можайске «как можно долее для выигрыша времени и отправления раненых, коими были наполнены дома и улицы по недостатку подвод для перевоза их»^{xxii}.

«Раненых и убитых много... — писал с бивака у города Можайска генерал П.П. Коновницын. — Тучков ранен в грудь. Тучков Александр убит... У Ушакова оторвана нога. Дризен ранен. Рихтер тоже... Дивизии моей почти нет... Едва ли тысячу человек сочтут. Багратион ранен»^{xxiii}. На поле боя Багратион выделил двух ординарцев, чтобы отвезли в Можайск раненного в колено и грудь главного медика 2-й Западной армии Гангарта. В Можайск был доставлен раненный осколком гранаты в левую голень с переломом берцовой кости князь Багратион. Увидев Гангарта, он сказал: «Теперь должно нам ехать лечиться вместе»^{xxiv}.

Лежавший на соломенной подстилке в одном из можайских домов с отнятой выше колена ногой полковник Р.М. Таубе, командир батарейной роты графа Аракчеева, протянул дружескую руку Участия прапорщику А.С. Норову, тоже привезенному с поля битвы. Раненому Норову посчастливилось. Его положили в лазаретную карету рядом с полковником. Рано утром 27 августа их повезли из Можайска в Москву. «Не спасла меня твоя сабля, да и тебя твой ятаган», — говорил Таубе юному другу, напомнив о подарке Норова накануне сражения^{xxv}.

В Можайске князь П.А. Вяземский встретил многих своих знакомых «по московским балам и собраниям», изувеченных в Шевардинском бою. Одним из них был командир Орденского кирасирского полка полковник граф А.И. Гудович, полк которого «мужественно и блистательно дрался и крепко пострадал».

В то время, когда арьергард Платова готовился отбить наступление противника на Можайск, город казался опустевшим некоторыми разоренными домами, выбитыми и вынесенными окнами и дверями. Будучи адъютантом генерала М.А. Милорадовича Вяземский запомнил, как его командир остановил солдата, прихватившего разные пожитки в одном из домов, и приказал расстрелять мародера. «...Это было более для острастки», — отмечал мемуарист с некоторым удовлетворением. В одном из домов генерал продиктовал приказы, затем пригласил адъютанта отобедать, извиняясь что худо накормит, в то время когда они хорошо бы пообедали у начальника московских дружин Маркова, который перенес московское хлебосольство на Бородинское поле и звал туда генерала^{xxvi}.

В Можайске были редкие случаи захоронения офицеров — героев Бородина. Из-за поспешного отступления с невероятными трудностями на кладбище у Троицкой церкви, в присутствии священника Дм. Иванова и командира батальона полковника барона М.И. де Дамаса, состоялось погребение убитых французским ядром обер-офицеров лейб-гв.

Семеновского полка — поручика С.Н. Татищева и прапорщика Н.А. Оленина.

В полдень 27 августа на Бородинском поле маршал Бертье приказал авангарду Мюрата с резервным кавалерийским корпусом и дивизией Дюфура преследовать русских и остановиться за Можайском в семи-восьми верстах. Поддерживать авангард должен был маршал Мортье с дивизиями Молодой гвардии — генералов Роге и Клапареда.

Арьергард Платова занял позицию перед городом. Увидев Можайск, Мюрат велел сообщить Наполеону, что император мог бы ехать в город на ночевку. Но уже в три часа завязался бой. Он продолжался почти пять часов. Атаки корпусов Мюрата мужественно отбивались арьергардом Платова. Неаполитанский король торопил ввести в дело все полки своего авангарда, сердился, когда ему объясняли, что на пути непроходимый для конницы овраг. Бой у Можайска, по воспоминаниям французов, был «кровопролитным, жарким, очень жарким, упорным...»^{xxvii}. Французы несли потери. Особенно дивизия Дюфура. Не окажи ей помощь Вислинский легион, дивизии пришлось бы отступить. По свидетельству барона Денье^{xxviii}, в этом бою получил рану генерал Бельяр. С наступлением темноты Наполеон приехал на место боя и медленным шагом направился к Можайску. Кто-то остановил императора, напомнив, что между ним и Можайском — русский арьергард, впереди которого огни 50-тысячной армии. Наполеон повернул назад. Удручающе подействовала на него ночевка в первой попавшейся деревне—Криушине.

27 августа солдаты Наполеона вошли в Лужецкий монастырь. В полуверсте от него находились склады с провиантом. Можайский провиантмейстер М. Чириков и «магазин-вахтер» Семен Егоров ввиду угрозы неприятеля исполнили приказ Кутузова подожгли склады, чтобы не достались противнику. Огонь поглотил предназначавшийся для ратников провиант: более 2 259 пудов муки, свыше 174 пудов сухарей, более 51 четверти круп. Сгорел суточный запас для 40-тысячной армии^{xxix}.

28 августа с шестого часа утра арьергард Платова продолжал удерживать город шестью батальонами егерей, регулярной и иррегулярной кавалерией. Главные силы Кутузова отошли от дер. Жуково к Землину. Французы выдвинули батареи, под прикрытием которых неприятель пошел в атаку. Огонь орудий Донской конной артиллерии, расположенной на возвышенностях Можайска, не мог сдержать наступление неприятеля. Арьергард Платова отступил к дер. Моденово, в трех километрах от главных сил Кутузова. Генерал М.С. Воронцов в письме к сенатору Н.М. Лонгинову от 20 октября 1812г. отмечал далекие последствия этой ретирады: «Скорое отступление Платова на Можайск... решило отступление от Можайска всей армии, которая уже больше не находила выгодного места, и было, может быть, причиною потери Москвы»^{xxx}. Недовольный действиями Платова, Кутузов вечером 28-го назначил начальником арьергарда генерала М.А. Милорадовича.

Из-за скорого отступления эвакуировать раненых оказалось весьма затруднительно. Сбор их в Можайске мотивировался Кутузовым тем, что в городе была первая почтовая станция, на которой предполагалось заготовить 1000 подвод для транспортировки раненых в Москву. И на каждой следующей станции (Шелковка, Кубинское, Перхушкино) намечалось по 1000 подвод.

С болью в сердце Кутузов писал Ростопчину 27-го августа из Можайска, что не увидел в городе ни одной «выставленной из Москвы подвод», хотя четыре дня назад он просил военного губернатора «о наискорейшем заготовлении» подвод. «Раненые и убитые воины, — писал полководец, — остались на поле сражения без всякого призрения...»^{xxxi} Повозки были присланы Ростопчиным вечером 27-го, но было поздно.

По свидетельству И.П. Липранди, в Можайске оставались только тяжелораненые, в особенности с ампутированными ногами. Требовалась особая укладка этих раненых, но человеколюбие повелевало не тревожить их^{xxxii}. Цезарь Ложье отмечал запруженность города

русскими ранеными: «их было до 10000»^{xxxiii}. Это число называет и историк М.И. Богданович, ссылаясь на мемуары Шамбре. По сведениям других французских мемуаристов (Пеле), раненых, подобранных на поле битвы и оставленных в Можайске, насчитывалось около семи тысяч. «По нашим сведениям, — писал Липранди, — гораздо менее»^{xxxiv}. И отмечал: «Они почти все погибли, не только от неимения помощи, но и с голоду, которому подвергались и французы. Французы обходились с нашими ранеными самым бесчеловечным образом»^{xxxv}.

28 августа французские войска вступили в Можайск. Примечательный случай при этом, доказывающий степень потрясения дисциплины во французской армии, приводит генерал-интендант граф М. Дюма. В Можайске в присутствии Наполеона вспыхнула ссора между Мюратом и Даву. Последний резко осудил настойчивость в преследовании Мюратом русского арьергарда, что изнуряло остатки французской конницы, которой русские противопоставляли только легкие войска. Он предлагал Наполеону дать отдых этому драгоценному резерву и поручить ему (Даву) авангард и преследование неприятеля пехотой. «Находите ли вы, — спросил Наполеон маршала, — что неаполитанский король не выказывает достаточно ревности?» — «Слишком много», — отвечал Даву. Дюма оправдывал маршала^{xxxvi}.

В Можайске, «на спуске с огромной крутой и кривой горы...»^{xxxvii}, в ста двадцати метрах от Никольского собора, на три дня обосновалась штаб-квартира Наполеона. Эта достопримечательность была отмечена в 80-е годы XIX в. табличкой на достопримечательность купца Сучкова по Бородинской улице. В том доме император начерно набросал предписание начальнику штаба маршалу Бертье-из-за потери голоса Наполеон изменил своей привычке диктовать. В канцелярии с трудом разобрали его скверный почерк: император поручал Бертье двинуть итальянский корпус на Рузу, войска Даву — на Борисов, а авангард Мюрата — по главной дороге к Москве. Раненых оставляли в Можайске. Де-ла-Флиз, врач императорской гвардии, вспоминал устройство лазарета в большой каменной церкви, куда привезли несколько возов соломы, которую разостлали на полу для раненых гвардейцев. Вероятно, речь идет о соборной церкви Николая Чудотворца. Солдаты армейских полков были развезены по другим лазаретам. Де-ла-Флиз запомнил в Можайске прямые, широкие, но немощные улицы, деревянные дома, за исключением упомянутой каменной церкви и «казенного здания, вероятно, судебной палаты». В отличие от Ложье, врач уверенно замечает: «Русские не успели поджечь город»^{xxxviii}.

Главный хирург наполеоновской армии Ларрей рассказывал о помощи, которую оказывали русским раненым в Можайске французы, особенно гвардейцы. Причем русские размещались по купеческим домам, а французы — по церквям и общественным зданиям^{xxxix}. Наполеон устроил в Можайске огромный госпиталь.

Трехдневную остановку штаб-квартиры Наполеона в Можайске (28-30 августа) военный историк Михайловский-Данилевский объясняет четырьмя причинами: болезнью императора (простуда); отдыхом армии; подготовкой к новому сражению; подвозом артиллерийских снарядов^{xl}.

Забываясь об охране коммуникаций, Наполеон оставил в Можайске вестфальский корпус генерала Жюно (герцога д'Абрантеса), штаб которого располагался в Лужецком монастыре. Корпус должен был прикрывать дорогу к Смоленску. Эта же цель изложена и в письме Наполеона маршалу Виктору, посланном из Можайска. Император призывал маршала не расплывать войска у Витебска и Минска, а сосредоточить их в Смоленске, чтобы при необходимости прийти в Москву на подкрепление. В Можайске Наполеон подготовил 10 сентября (29 августа) циркуляр французским епископам. Священнослужители должны были созвать народ в храмы и воспеть хвалу всевышнему за успехи в сражениях под Могилевом,

Дриссой, Колоцком, Смоленском и под Москвой.

Императора озаботили неудовлетворительные дела в России, несмотря на выигранное, как он считал, сражение на Бородинском поле. В Можайске ему невольно приходили в голову испанские дела. Его беспокоило сильное сокращение численности корпусов.

Единственным человеком, с которым делился своей тревогой Наполеон, был маршал Бертье: французы и русские убивали друг друга, но это не приводило ни к каким результатам; раздражало, что не было пленных и трофеев. Наполеон надеялся на предложения мира от Кутузова, готов был вступить в переговоры, в отдельные моменты не хотел идти дальше Можайска^{xli}.

Русские войска продолжали отступать к Москве. Хотя отступление входило «...в общие военные соображения с самого начала кампании...»^{xlii}, появился удобный повод для того, чтобы оповестить Европу о победе французов. Сообщение было запоздалым: лишь на пятый день после генерального сражения. Наполеон изменил своей привычке заявлять об успехе сразу же после битвы «18-й бюллетень Великой армии» имеет помету: «Можайск 12-го сентября 1812 г.» В тот день Императора в городе уже не было.

Во время отступления из Москвы Наполеон не въезжал в Можайск. 16 октября он остановился у города, чтобы выяснить, как идет эвакуация раненых и выдача им пайков. Император приказал рассадить оставшихся в Можайске раненых не только в легкие повозки и экипажи, но и на крыши фургонов, на повозки для фуража, на задки телег и на передки, на ящики и козлы^{xliii}. Военским частям, проходившим через Можайск, выдавали рис из нескольких складов, устроенных генералом Жюно, когда в один из октябрьских дней пришел в город обоз с рисом.

Города почти не существовало. Капитан из штаба итальянской гвардии Е. Лабом увидел разрушенный Можайск, поразивший его контрастом черных дымящихся развалин и белизной недавно построенной и чудом сохранившейся колокольни, на которой продолжали бить часы^{xliv}. Старший врач вюртембергского конно-егерского герцога Людвиг полка Г. фон Роос навсегда запомнил ночевку в развалинах обгоревшего дома, запах горевших в Можайске домов и «разлагающихся тел павших животных». С долей иронии он отмечает, что и генеральный штаб квартировал в уголке полусгоревшего дома, где переодевался граф фон Шелер. Свита сидела у костров на кучках камней и бревен, а некоторые хоронили умершего от моровой язвы штабиста^{xlv}.

Жуткая картина предстала в середине октября перед врачом Де-ла-Флизом в Можайске: в поле, примыкавшем к городским садам, возвышалась пирамида обнаженных трупов (до 800 тел) собранных по распоряжению коменданта города для сожжения «Тут были русские и французы»^{xlvi}.

Пострадал и Лужецкий монастырь. В его ограде оккупанты сделали пробоины и поставили до 200 пушек^{xlvii}. При отступлении подожгли Рождественский собор, его интерьер весь выгорел.

Паническое настроение солдат вестфальского корпуса в Можайске нашло отражение в письме И.А.Вернке: «... Здесь в белой стране нам всем еще придется умереть с голоду. Все спалено и сожжено. Всех подданных русский взял с собой, настолько они нас боялись, и продовольствия не достать потому что ничего ни в каком городе не найти; где еще можно найти дом, он стоит пустой и темный... Уже то хорошо, если мы погибнем от голода и от такого образа жизни, как теперь, когда мы лежим под открытым небом, а уже начинаются морозы...»^{xlviii}

Воспоминания оставшихся в живых солдат Великой армии создают трагический образ разрушенного, сожженного Можайска, ставшего гибельным городом для отступающих войск Наполеона.

Можайское дворянство во главе с его предводителем организовало прием в ополчение около 2000 можайцев, многое сделало для его вооружения, обмундирования, обеспечения провиантом.

Кутузов проявил большую активность, чтобы в кратчайший срок восстановить под Можайском боеспособность русских армий. Только такая армия могла выполнить главную миссию: истребить войска Наполеона, защитить Москву. Командование российской армии предприняло все возможные меры по спасению раненых в Можайске, хотя ситуация была сложной в связи с отходом из города русского арьергарда.

Можайск 1812 года — это и место пребывания главной квартиры Наполеона. Его стрессовое состояние после Бородине было связано с решением вопросов заключения мира с Россией и продолжения войны.

Враг был изгнан. Чтобы предотвратить эпидемии, можайский предводитель мобилизовал население на уборку трупов. В начале января 1813 г. он докладывал: «...Зарыто и сожжено трупов семнадцать тысяч девятьсот шестнадцать, падали — восемь тысяч Двести тридцать три...»^{xlix}.

Примечания

ⁱ ЦГАДА. Ф.1355, ед. хр. 34/772, л. 15. Экономическое примечание Можайского уезда с краткою табелью и алфавитами на 1800-й год.

ⁱⁱ Воспоминания А.П. Бутенева о 1812 годе, изданные его сыном. М., 1911, с.40.

ⁱⁱⁱ ЦГИА г. Москвы, ф. 392, оп. 1, д. 3, лл. 2,2 об.

^{iv} Руководство этими частями в июне 1812 г. перешло от министерства полиции к военному министру.

^v ЦГИА г. Москвы, ф. 392, оп. 1 д.3, лл. 4,4 об.

^{vi} *Савелов Л.М.* Московское дворянство в 1812 году. М., 1912, с. 20.

^{vii} Там же, с. 3.

^{viii} Там же, с. 4б.

^{ix} Там же, с. 48.

^x Там же, с. 60.

^{xi} Там же, с. 58.

^{xii} Там же, с. 62.

^{xiii} Там же, с. 61.

^{xiv} Записки императорской Академии наук. Т. 43. СПб., 1882, с. 92.

^{xv} Там же, с.94-95.

^{xvi} *Кутузов М.И.* Сб. документов. Т.IV. Ч.1. М., 1954, с. 113-114.

^{xvii} Там же, с. 459-461.

^{xviii} ЦГИА г. Москвы. Ф. 574, оп. 1 д. 203. л. 3.

^{xix} В двух верстах за дер. Кожухово. Восточная граница Можайска проходила у Чертанова.

^{xx} России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812г... М., 1988, с.94-95.

^{xxi} *Кутузов М.И.* Сб. документов, с. 179.

^{xxii} *Михайловский-Данилевский. А.И.* Полн. собр. соч. Т. IV. Описание Отечественной войны 1812г. СПб., 1850, с. 304.

^{xxiii} Бумаги Щукина...Ч. 8. М., 1904, с. 109-110.

^{xxiv} Сын Отечества. Ч.IV. № 11. СПб., 1813, с. 228.

^{xxv} России двинулись сыны..., с. 367.

^{xxvi} Там же, с. 441, 445.

^{xxvii} *Липранди И.П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы. М., 1867, с. 135.

^{xxviii} Там же.

-
- ^{xxxix} *Савелов Л.М.* Московское дворянство в 1812 году. М., 1912, с. 94.
- ^{xxx} Записки императорской Академии наук, с. 265.
- ^{xxxix} *Кутузов М.И.* Сб. документов, с. 158.
- ^{xxxix} *Липранди И.П.* Указ.соч., с. 144.
- ^{xxxix} *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912, с. 153.
- ^{xxxix} *Липранди И.П.* Указ. соч., с. 154.
- ^{xxxv} Там же, с. 145.
- ^{xxxvi} Там же, с. 137.
- ^{xxxvii} *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т.III-IV. М., 1991, с. 177.
- ^{xxxviii} *Де-ла-Флиз.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 1912, с. 37.
- ^{xxxix} Французы в России по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1 .М., 1912, с. 167.
- ^{xl} *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч., с. 311.
- ^{xli} *Коленкур А. де.* Мемуары. М., 1943, с. 138-139.
- ^{xlii} *Попов А.Н.* Французы в Москве в 1812 году//Русский архив. Кн. 1.М., 1876, с.229.
- ^{xliii} *Коленкур А де.* Указ. соч., с. 214-215.
- ^{xliv} Французы в России...4.2.,с. 154.
- ^{xlv} *Роос Генрих фон.* С Наполеоном в Россию. М., 1912, с. 196.
- ^{xlvi} *Де-ла-Флиз.* Указ. соч., с. 52.
- ^{xlvii} ЦГИА г. Москвы. Ф.574, п. 1, д.264. Рапорт иеромонаха Мефодия от 15. XI. 1836г.
- ^{xlviii} Освободительное движение в России:Межвузовский науч.сб. Вып.7. Саратов, 1978,с.109-110.
- ^{xlix} *Куковенко В.* Хроника трижды погибших//За и против. №6. М., 1991,с. 16.